

(Окончание.
Начало в №18).

Немало времени Слава проводил в командировках. Тандему журналист—художник тогдашний редактор С.В. Коробков придавал особое творческое значение. Это разнообразило форму подачи материалов, вызывало у читателей повышенный интерес к поднимаемой в газете теме.

Листая подшивку "Орловской правды" за тот период, постоянно видишь такие подписи: текст И. Миронова — рисунок В. Пуршева, текст В. Пикуля — рисунок В. Пуршева, текст А. Яновского — рисунок В. Пуршева...

Сотни образов Героев Социалистического Труда, депутатов Верховного Совета СССР и РСФСР, ударников и стахановцев, лучших представителей интеллигенции запечатлены талантливой рукой художника. Их портреты по праву

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

«ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА»

могут составить блестящую галерею Славы лучших сынов и дочерей Орловщины.

Рисунок пером, карандашный портрет, тонкий сельский пейзаж — все удавалось Пуршеву. И самое главное — он владел искусством передать в рисунке не только поразительное сходство своего героя, но и внутреннюю сущность человека.

Эту черту его таланта особенно ценил Дмитрий Блынский. В 1961—1962 гг. поэт работал специальным корреспондентом "Орловской правды" и вместе с Пуршевым часто ездил в командировки. В одном из писем родным Дмитрий пишет: "Еду... в командировку... в Ливенский район, в Крутое — писать стихи о лучших людях... Едем — я и художник. Он будет рисовать к моим стихам иллюстрации".

В очередном письме: "Завтра еду далеко — в Шаблыкино. На днях был в Дмитровске..."

Тесный творческий союз поэта и художника давал отличный результат. Читатели в своих письмах в редакцию не раз отмечали стихотворные репортажи и поэмы Блынского с талантливыми рисунками Пуршева.

К тому времени Слава стал признанным оформителем многих книг не только орловских писателей. Его ценили в российских издательствах, в детских и взрослых журналах.

В 1963 году в Орловском книжном издательстве вышел третий сборник стихов и поэм Блынского в оформлении его друга. Поэт уже жил и работал в Москве и с удовольствием сообщал родным: "Вчера звонил Пуршеву, он должен прислать штук 50 моих книжек".

Переезд поэта в столи-

цу не внес заметных изменений в их дружеские, поистине братские отношения. Пуршев часто гостил у Блынских, радовался успехам Димы, по-прежнему делал рисунки к его стихам, которые регулярно печатались в "Орловской правде".

Блынский, сам неплохой художник по первому образованию, в свою очередь активно помогал укреплять имидж Пуршева в московских издательствах...

Помню, как горестно и тяжело, как свою личную трагедию, переживал Пуршев внезапную смерть Блынского. В октябре 1965 года он ездил на похороны, помогал родственникам пережить это несчастье. Потом со слезами на глазах рассказывал нам о случившемся, о том, как тепло, многолюдно провожали поэта в последний путь.

Вновь Пуршев встретился со своим другом теперь правда, уже на страницах готовящейся к изданию в Москве рукописи Блынского "Лада". Книга под таким названием в оформлении орловского художника вышла в июле 1966 года в известном издательстве "Московский рабочий".

Росло мастерство художника Пуршева. Заказы на его рисунки поступают из многих издательств России, различных центральных журналов. Он участвует Всесоюзной выставке художников-оформителей в Москве, награжден почетной грамотой. Посетители выставки отмечают в его работах тонкий вкус и

МАШИНИСТ
ЭЛЕКТРОВОЗА

К ОГДА КОМУНИСТИЧЕСКОЙ аэсированной паролоним выбирала парторгруппа, все единодушно сошлись на имени, что этой чертой достоин Виктор Сергеевич Силин.

В августе 1943 году пришел он подростком на железную дорогу.

— Хочу быть машинистом, — заявил Виктор в отделе кадров локомотивного депо.

— Улыбнулся заводчик: — Так уж судьба машинистом! Начал побуду учеником слесаря.

И описавшая трагично и тяжело Петровичу Бласову — вынужденно слесарю.

Теперь из дома Силинник по утрам выходящий сразу два рабочих человека — отец и сын.

Виктор научился «слесарить» паровозом, но мечте своей не оставался. И вот в 1949 году он, описавшаяся, Виктора на-

повалом в Елец, на курсы подготовки машинистов. Шесть лет отъезда он помощником. Работал и учился на курсах при депо и в вечерней школе рабочей молодежи.

В 1956 году Виктор Сергеевич стал, наконец, машинистом, сначала паровозным, а затем перешел на электровагон.

В том же году произошло еще одно событие в жизни молодого железнодорожника. Он был избран в члены славной партии коммунистов.

На одну сотню тысяч километров неезда Виктор Сергеевич. И в сторону Тулы, и в сторону Курска. Как свои пять пальцев знает он каждый участок. Поэтому и полет грузовые составы аккуратно по графику, а частично даже докладывают о прибытии раньше назначенного времени.

Например, накануне праздника Советской Армии он про-

шел утомленный маршрут в Тулу, сэкономив семь минут.

Хорошая дружба связывает Виктора Сергеевича с машинистами Замрузовым, Ковалевым, Сорочинским и многими другими. Колонна, в составе которой работает Силин, носит высокое звание коллектива коммунистического труда.

Сейчас аэсированник несет вахту в честь предстоящего XXIII съезда КПСС. Каждый стремится «источить» это знаменательное событие достойным трудовым подарком.

И свою трудовую долю в объеме дела приносит Виктор Сергеевич Силин, которого коммунистическим единодушно избрали своим вожаком.

Текст В. ПАВЛОВА.
Рис. художника В. ПУРШЕВА.

Иллюстрация Вячеслава Пуршева.

художественный такт. Посетившая выставку вдова Блынского Татьяна в письме к родственникам с удовольствием отмечает успехи художника: "Я была на этой выставке. Работы его очень понравились..."

Мы, его друзья, тоже радовались творческим успехам Пуршева. Казалось бы, впереди у него еще целая жизнь...

...Но вернемся в тот цветущий май 1967 года. Мы шли по прохладным,

защищенным от горячего солнца рощам и аллеям "Дворянского гнезда", говорили о том о сем, вспоминали героев романа Тургенева Лаврецкого и Лизу, их трагичную любовь. Пуршев где-то вычитал, что прототипом Калитиной была графиня Мария Николаевна Толстая — родная сестра великого писателя.

— Пожалуй, в это поверить можно, — убеждал он нас. — Тургенев ее хорошо знал, одно время даже был

влюблен. А потом Мария Николаевна ушла в монастырь, как и Лиза...

Будущий кандидат филологических наук Владислав Пономарев с высоты своего огромного роста снисходительно смотрел на Славу, не соглашался.

— Тургенев и молодую поэтессу Елизавету Шахову хорошо знал, встречался с ней... Она тоже закончила жизнь монахиней...

— Ребятки, давайте закончим этот научный спор, — предложил Михаил Романов. — Пора искупаться!

Мы пошли искать подходящее место, а Слава и Люда, о чем-то оживленно беседуя, громко смеясь, стали подниматься по узкой тропинке обрывистого берега Орлика.

Кто-то из нас, глядя им вслед, сказал:

— Влюбленная парочка...

Трудно сказать, что было между ними. Скорее всего — романтическая увлеченность, причем с обеих сторон.

Люда работала в газете всего несколько месяцев.

После окончания средней школы в вуз не прошла, вот мама и привела ее к нам, уговорила редактора взять девочку в его приемную. Была она начитанна, грамотна, мила, но не красавица. Прекрасная фигурка девочки-подростка, какая-то особая улыбка, умение поддерживать разговор со всеми. Наверное, эти качества привлекли к ней внимание редакционного художника. Люди творчес-

кие, известно, народ влюбчивый...

Сам Пуршев был красивым мужчиной. Пластичен, подобран, с гордо посаженной головой, которую украшали густые кудрявые волосы. Он рано начал седесть, и седина придавала его лицу особое благородство, этаким шарм.

Одет всегда, как говорится, с иголочки. Обязательно — галстук, белая накрахмаленная рубашка...

Так что не влюбиться в такого было просто нельзя...

Они шли по крутой тропке над обрывом "Дворянского гнезда", внизу тихо плескался Орлик, пели птицы, и так хорошо им было вдвоем...

Как рассказывала Люда потом, Слава много шутил, читал стихи своего любимого Есенина, наговорил ей столько любезных слов.

Спрашивал полусерьезно:

— Верить ли, что люблю тебя? Ну хочешь, докажу... Вот нырну прямо сейчас, в одежде с этого обрыва...

Девчонка не успела еще ответить, как Слава ласточкой полетел вниз...

К сожалению, Орлик в этом месте был мелководен, а дно — сплошные камни.

Без сознания, с серьезными переломами шейных позвонков Пуршева доставили в больницу.

Он прожил еще три дня, но врачи были бессильны...

Из многих мест России шли соболезнования по поводу трагической смерти Пуршева. Слова глубокой скорби выразили Союз художников и Художественный фонд РСФСР, коллектив журнала ЦК ВЛКСМ "Комсомольская жизнь", орловские писатели, многие издательства, обком комсомола, просто читатели талантливого художника.

Пожалуй, проникновеннее всех сказали о Славе Пуршеве коллеги из "Орловского комсомольца". В напечатанном 30 мая 1967 года некрологе говорится: "Он прожил мало — 31 год. Он многое еще не успел сделать. Но то, что он подарил людям — взрослым и маленьким читателям, — будет помниться долго. В доме каждого орловца найдется книжка, которую иллюстрировал наш друг Слава Пуршев. Его рисунки часто появлялись на страницах "Орловского комсомольца" и "Орловской правды". Его талантливый карандаш рисовал светло и радостно. Орловцы с нетерпением ждали каждую его новую работу. Мы гордились тем, что росла его популярность, что имя его стало в ряд лучших молодых художников-иллюстраторов России.

Слава Пуршев был не только талантливым художником, но и талантливым человеком. Его душа всегда была щедро открыта людям. Другим и товарищам всегда было легко и хорошо с ним. И нет сейчас слов, чтобы выразить всю скорбь и горе, которые испытываем мы..."

Лучше, душевнее не скажешь...

Александр МАКУШЕВ.